

Рассказ о «второй жизни» Минского завершает в главе 3 история его сотрудничества в органе символистов — журнале «Северный вестник» и анализ причин сближения, а затем резкого расхождения с А. Л. Волинским.

«Третья жизнь» писателя составляет наиболее объемный раздел книги, шесть глав которого посвящены длительному периоду — с 1901 по 1913 год. Открывает раздел аналитическое исследование сборника «Новые песни» (1901), знаменующего следующий этап в творческой и идейной биографии Минского и утверждающего «новый, „остраненный“ взгляд на действительность» (с. 181). Отметив его готовность после выхода сборника «привести в соответствие с новой поэтической системой свою религиозную философию» (с. 193), Сапожков переходит к рассказу об участии своего героя в Религиозно-философских собраниях, журнале «Новый путь», полемике с В. В. Розановым. Обновление духовно-нравственных ориентиров и стремление ответить на вопрос о способе воплощения догматов христианства в жизнь общества, как показывает Сапожков, получили отражение в книге Минского «Религия будущего» (1905), значение которой определяется «ее практически установками, ее более тесной и адресной ориентацией не на убежденного подвижника веры, а на человека сомневающегося, колеблющегося, готового принять и выслушать иную, отличную от догматического православия, точку зрения на вечные вопросы бытия» (с. 223).

Неоспоримый интерес представляет глава о творческих воплощениях «жизнестроительных» идеалов Минского — его драматических произведениях, и прежде всего в драме «Альма» (1900). Далее Сапожков обращается к сенсационному, с точки зрения современников, повороту в идейных установках писателя — его союзу с марксизмом, воплотившемуся, среди прочего, в издании большевистской газеты

«Новая жизнь» (1905) и публикации «Гимна рабочим», и дает тщательное аналитическое описание пути Минского к трагическому итогу его попыток на практике осуществить идеалы «религии будущего» — отъезду в эмиграцию. Завершает рассказ о «третьей жизни» писателя история выхода 4-томного «Полного собрания стихотворений» (1907) и реакции критики на него.

Четвертый раздел монографии, озаглавленный цитатой из Минского «Чем будешь ты, моя четвертая жизнь?..», охватывает период с момента его возвращения в Россию 2 марта 1914 года вплоть до смерти в Париже 2 июля 1937 года. Особое внимание Сапожков уделяет причинам, побудившим писателя к повторному, окончательному отъезду из России летом 1914 года. По мнению исследователя, основная из них заключалась в том, что за время эмиграции Минский «потерял на родине не только бывших единомышленников, но и своих слушателей, свою „паству“» (с. 330). В главе 1 «„Лики войны“ в творчестве Н. М. Минского 1914–1916 годов» представлена его деятельность в качестве парижского корреспондента газеты «Утро России», проанализированы военная лирика и пьеса «Лики войны», ранее не попадавшая в поле зрения исследователей творчества писателя. Далее представлено послевоенное творчество Минского: его сборник стихотворений «Из мрака к свету» (1922), в котором декларировалось «преодоление розни во всех ее формах» (с. 351), участие в литературной жизни русского Берлина в 1921–1923 годах, а также несостоявшиеся планы по возвращению в Россию.

В «Заключении» подведены итоги исследования и расставлены основные акценты.

Чрезвычайно полезным приложением к монографии является библиография текстов Минского и литературы о нем — первый опыт построения персональной библиографии писателя.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-248-251

© Т. В. Игошева, © Г. В. Петрова

О «СРОЧНОЙ СЛОВЕСНОСТИ»*

Поиск новых подходов к исследованию сложно поддающихся систематизации многообразных форм взаимодействия литературы и журналистики начала XX века, которые

* Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография / Отв. ред. и сост. А. А. Холиков, при участии Е. И. Орловой. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 768 с.

были бы свободны от какой-либо заданности, от идеологического налета, — одна из актуальных проблем гуманитарного знания, и потому нельзя не приветствовать мысли А. А. Холикова, сформулированной во введении, о необходимости пересмотра методологии изучения культурного ландшафта начала XX века. Очевидно и то, что потенциал русского модерна должен быть связан не только с собственно художественными и аксиологическими открытия-

ми литературы и искусства в целом, но и с коммуникативными стратегиями и практиками, рельефно обозначившимися в истории отечественной культуры этого периода.

Рецензируемая монография состоит из трех частей, каждая из которых имеет свое исследовательское направление.

Первая включает разноплановые работы специалистов в области истории и теории русской литературы и отечественной журналистики конца XIX и первой половины XX века, собранные в четыре тематические главы: «Теоретико-методологические аспекты», «Периодические издания: от центра к окраине», «Стратегии и репутации», «Формы рецепции». Порядок глав исследовательской части монографии, как и внутренний их состав, определяется стремлением авторского коллектива не только представить отдельные примеры взаимодействия литературы и журналистики на уровне «частного случая» и «альтернативной классификации», но и обозначить феномен этого *взаимодействия* как самостоятельный предмет теоретического и исторического осмысления. Такой подход неизбежно потребовал обновления категориального аппарата. Е. И. Орлова, систематизируя разные точки соприкосновения литературы и журналистики, для обобщения результатов своей классификации использует термин «срочная словесность», возникший еще в XIX веке для характеристики исключительно журналистской практики. Применение этого понятия в расширенном значении кажется весьма убедительным, поскольку позволяет подчеркнуть самостоятельность и оригинальность исследуемого феномена несмотря на его метафорическую оболочку.

В свою очередь Ю. Б. Балашова предлагает оперировать для характеристики феномена взаимодействия литературы и журналистики современным термином «медиа» и его разновидностями. Однако медийность — это особое свойство массовой коммуникации конца XX — начала XXI века, и перенос категориального аппарата с современной социально-культурной ситуации на практику столетней давности кажется нам весьма спорным. При этом мы не оспариваем возможности рассмотрения отдельных периодических изданий начала XX века как вполне состоявшихся медийных проектов или дифференциации биографии литератора (писателя, поэта, публициста, критика) и его медийной личности, о чем идет речь в статье В. Н. Крылова. И все же каждому явлению свой термин и каждому термину своя эпоха. *Omnia tempus habent* (Еккл. 3: 1).

Завершает эту главу исследование А. А. Гапоненкова и Ю. С. Ромайкиной, значимость которого заключается в попытке построить алгоритм описания журнального (альманашно-го) контекста как основы для построения комплексной истории периодического издания.

Работы, составившие вторую главу, откликаются на предложенную алгоритмизацию, как раз и представляют собой аналитическое описание

внутреннего или внешнего контекста отдельных периодических изданий: от ведущих столичных газет — «Нового времени» (статья М. А. Фролова), «Русского слова» (статья А. В. Филатова), до провинциальных изданий — новгородской газеты «Ильмень» (статья А. Л. Семенов); русскоязычной периодики Финляндии (посвященные «Финляндской газете» статьи Е. А. Андрущенко и Л. Ф. Луцевич); газеты «Южный край» (статья Е. М. Захаровой).

В исследованиях, вошедших в третью и четвертую главы монографии, намечено множество точек соприкосновения литературы и журналистики.

Третья глава открывается значимой обобщающей статьей Е. В. Ивановой, в которой подведен итог дискуссии вокруг ключевой роли символистской периодики в развитии русского символизма как литературного направления. В этом же плане стоит рассматривать и работу М. Бёминг о «Студии импрессионистов».

В поле зрения ученых попали и несостоявшиеся проекты, например журнал группы «Лирика», о котором пишет А. Ю. Сергеева-Клятис.

В статьях Е. А. Тахо-Годи о литературной критике Ю. Айхенвальда, К. А. Баршта, О. В. Федунинной об эстетической позиции и репутации В. П. Буренина, С. А. Казаковой о репутации группы «Гилея», С. А. Кибальника, направленной на развенчание мифа о провале первой постановки чеховской «Чайки», в той или иной степени корректируются уже устоявшиеся и широко распространенные в научном сообществе представления о разных явлениях литературной жизни предреволюционной эпохи.

Отдельный аспект «срочной словесности» освещен в работе С. Г. Коростелева, доказывающего, что замаятинские публикации в журналах «Летопись» и «Новая жизнь» стали своеобразной площадкой для формирования творческой концепции главного произведения писателя — романа-антиутопии «Мы».

М. В. Михайлова и А. В. Назарова, анализируя образы журналистов в произведениях Горького, Куприна, Зиркова, фактически выявляют неоднозначный статус русского журналиста. И наоборот, в работе Е. С. Сониной рассматривается карикатурный образ русского литератора на страницах сатирической периодики начала XX века.

Таким образом, взаимодействие литературы и журналистики эпохи осмысливается комплексно как пространство не только диалога, но и противостояния, полемики, борьбы за доминирующее положение в границах «срочной словесности».

Новационным по материалу и подходу следует признать работу Е. Ю. Гордеевой, которая изучила специализированные библиографические издания с точки зрения организационной работы с читательской аудиторией.

Отметим и высоко оцененное стремление авторов монографии не только уточнить границы

«срочной словесности», но и ввести в научный оборот большой корпус новых материалов во второй и третьей части, где читательскому вниманию предложены две публикации и две републикации.

А. С. Александров подготовил фрагмент эпистолярного диалога между А. А. Измайловым и И. И. Ясинским за 1915–1916 годы, связанного с литературно-журнальными событиями предреволюционного времени.

При этом нельзя не указать на отдельные ошибки и небрежности, допущенные в комментариях. Так, на с. 381 читаем: «Рождественский номер 1917 года собирался уже в условиях революционной действительности, когда праздник, имеющий глубокую мировую и отечественную традицию, был упразднен одним из Декретов советской власти». На самом деле в письмах речь идет о подготовке рождественского номера «Петроградского листка» 1916 года, увидевшего, как и должно, свет 25 декабря (исчисление, как и положено в это время, ведется по старому календарному стилю). При чем тут 1917 год и революционная действительность, остается непонятным. Кроме того, известно, что среди первых декретов советской власти отсутствовал декрет, упраздняющий Рождество. Запрет прозвучал (да и то косвенным образом) только 24 сентября 1929 года в постановлении Совета народных комиссаров «О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю».

22 письма Д. В. Filosofova к К. И. Чуковскому, охватывающие период 1908–1919 годов, обнаруживали С. В. Федотова и А. Л. Соболев. Публикация важна в качестве существенного дополнения к уже изданному ранее эпистолярию Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус к тому же корреспонденту и способствует воссозданию литературных и отчасти личных взаимоотношений Filosofova и Чуковского. Преамбула, предвещающая письма, выходит далеко за рамки жанра вступительной статьи. В ней прослеживается становление литературной репутации Чуковского — от яркого, но не имеющего собственной идеи молодого критика до влиятельного литератора — и роль в этом процессе его корреспондентов.

Р. А. Поддубцев воспроизвел подборку произведений русских футуристов, размещенную на литературной странице газеты А. А. Суворина «Новь» 20 ноября 1914 года. Она имела собственное заглавие — «Траурное ура», — перекликающееся с антимилитаристскими настроениями ее участников: К. А. Большакова, Б. Л. Пастернака, Н. Н. Асеева, Д. Д. Бурлюка В. В. Маяковского. Значение данной републикации заключается в сопровождающем ее развернутом комментарии, поясняющем разнообразие военных реалии, широко представленные в произведениях футуристов. Столь же важными оказываются и вскрытые автором историко-литературные детали и контекст, в рамках которого необходимо рассмат-

ривать подборку «Траурное ура» как цельное художественное высказывание русских футуристов по поводу актуальнейших вопросов жизни и литературы периода первой мировой войны.

Вторая републикация подготовлена Е. И. Погорельской и посвящена раннему периоду творчества И. Э. Бабеля. Речь в ней идет о газетном цикле будущего автора «Конармии», состоящем из 17 очерков, которые были напечатаны А. М. Горьким в редактировавшейся им газете «Новая жизнь» в течение весны и лета 1918 года. Очерки ярко демонстрируют становление стиля и художественных приемов Бабеля. От предыдущих републикаций (две из них сделаны в 1989 году, еще две — в 1990 году) разной степени полноты воспроизведение, осуществленное Погорельской, отличается объемом комментария. Вместе с тем он вызывает и ряд вопросов, поскольку зачастую поясняются совершенно банальные вещи (дровни, желоб, крестный ход, феска, фунт и др.).

Часть третья монографии озаглавлена «Приложение» (именно так: в единственном числе), что, думается, не вполне отвечает составу этого раздела, где находим указатели содержания отдельных периодических изданий: журнала «Богема» (1915) — А. Л. Соболева; газеты «Новь» и приложения «Утренний телефон „Нови“» — Р. А. Поддубцева. Здесь же представлен «Опыт росписи архивных материалов, посвященных газете „Русское слово“» О. И. Шапкиной. Традиционно в приложение (приложения) включаются материалы с дополнительной, поясняющей информацией, корреспондирующей с основным текстом. Однако в данном случае этого не происходит: гипертекстовых связей с первым (основным) разделом книги нами не обнаружено. Думается, что эту часть правильнее было бы озаглавить «Библиография».

Безусловно, все три публикации демонстрируют огромную кропотливую работу их авторов. Однако результат получился все же разным.

Выгодно отличается высокопрофессиональной вступительной статьей, основанной на обширных архивных изысканиях и, пожалуй, на сегодняшний день исчерпывающе воссоздающей историко-литературный контекст «Богемы», издававшейся литераторами круга Л. М. Рейнер, «роспись с выносками» А. Л. Соболева.

Весьма обширное содержание газеты «Новь» и приложения «Утренний телефон „Нови“», хотя и представлено выборочно, заслуживает всяческого внимания и одобрения. Вместе с тем вступительная статья, в которой могла бы быть представлена историко-литературная информация об издании (а также его приложении), отсутствует. Аналогичное замечание необходимо адресовать и О. И. Шапкиной, хотя опыт росписи архивных материалов, связанных с одним печатным органом, является весьма интересным и ценным для историков литературы и журналистики.

Научный аппарат в виде именного указателя (его составитель не указан) является просто

необходимым дополнением к такому изданию и позволяет ориентироваться в большом объеме информации.

Рецензируемая монография, безусловно, должна занять свое место в корпусе современных исследований, претендующих на пре-

зентацию новых подходов к изучению культурной жизни начала XX века как сложно структурированного феномена, а у вновь обретенного термина «срочная словесность», думается, может быть весьма интересная научная судьба.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-251-253

© Л. В. Х а ч а т у р я н

ПРИТЯЖЕНИЕ БУНИНА*

В прошлом году в серии трудов Отдела новейшей русской литературы ИМЛИ РАН «Литература русского зарубежья. Писатель в литературном процессе» вышел сборник статей, приуроченный к 150-летию со дня рождения И. А. Бунина.

В предисловии «От редактора» Ю. А. Азаров определил проблематику издания как попытку создать максимально полную научную интерпретацию наследия Бунина. Центр тяжести закономерно перенесен на архивные исследования, так как буниноведение находится сейчас в стадии активного поиска новых материалов и методологии: «Разрозненный архив писателя, если его рассматривать в целом, содержит многочисленные документы, дневниковые записи, обширную переписку, что открывает широкие возможности для будущих хроникально-биографических разысканий» (с. 9). Заявленная источниковедческая основа вводит бунинский том в контекст другого проекта ИМЛИ РАН — портала «Академический Бунин». И если цель последнего фундаментальна — создать базу для изучения жизни и творчества писателя, то с точки зрения прикладной задачи — подготовки первого Полного собрания сочинений и писем И. А. Бунина — эти исследования можно назвать взаимодополняющими.

Сборник состоит из трех частей: «И. А. Бунин в контексте русской литературы», «И. А. Бунин и его современники» (которая включает раздел «И. А. Бунин и А. М. Горький», что объясняется горьковедческой специализацией Института мировой литературы), «Творческая история, поэтика, текстология». Подавляющее большинство участников издания — сотрудники ИМЛИ РАН. Внутри разделов соблюдается хронологический принцип: от дореволюционного периода

к последнему этапу жизненного и творческого пути Бунина.

Первый раздел открывается исследованием Ю. Я. Барабаша «Между Каменкой и Грассом» (отсылка к «Жизни Арсеньева») с подзаголовком «Бунин и Гоголь». В работе прослеживается эволюция оценок Буниным (Арсеньевым) гоголевского творчества — от восхищения «Вечерами на хуторе близ Диканьки» и «Миргородом» (молодой Арсеньев — молодой Гоголь) до резкого неприятия его поздних произведений: «„У Гоголя необыкновенное впечатление произвели на меня „Старосветские помещики“ и „Страшная месть“. Какие необыкновенные строки! Как дивно звучат они для меня и до сих пор, с детства войдя в меня без возврата <...>“ В Грассе, 30 апреля 1940 г., Бунин делает запись в дневнике: „Не знаю, кого больше ненавижу как человека — Гоголя или Достоевского“» (с. 17). Классическая эстетика модерниста Бунина противопоставлена барочным мотивам зрелого Гоголя: «Все это чуждо Бунину, любые проявления условности, гротеска, сатирического заострения ему не интересны, все эти Добчинские и Бобчинские, Сквозники-Дмухановские, Яичницы, Чичиковы кажутся ему в лучшем случае „плоскими, балаганными“» (с. 39).

В статье В. Н. Терехиной «Бунин и Маяковский: новые аспекты старой темы» (с. 44–63) оппозиция Бунина и Маяковского, классического модернизма и его радикального направления — первого авангарда, представлена не только как политически мотивированная, но и эстетически несовместимая. Исследовательницу интересует не столько характерная для русской эмиграции опосредованная разными политическими позициями рецепция творчества Маяковского,¹ сколько собственно

* Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И. А. Бунина). М.: ИМЛИ РАН, 2022. 976 с. Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 19-18-00353, <https://rscf.ru/project/22-18-35019>, в НИУ ВШЭ.

¹ В качестве примера Терехина использует сравнительно нейтральное высказывание Марка Слонима: «Казалось бы, здесь, где можно говорить во весь голос, не опасаясь ГеПЕУ, вне досягаемости всяких административных нажимов и полицейских приказаний, можно было проявить объективность в отношении